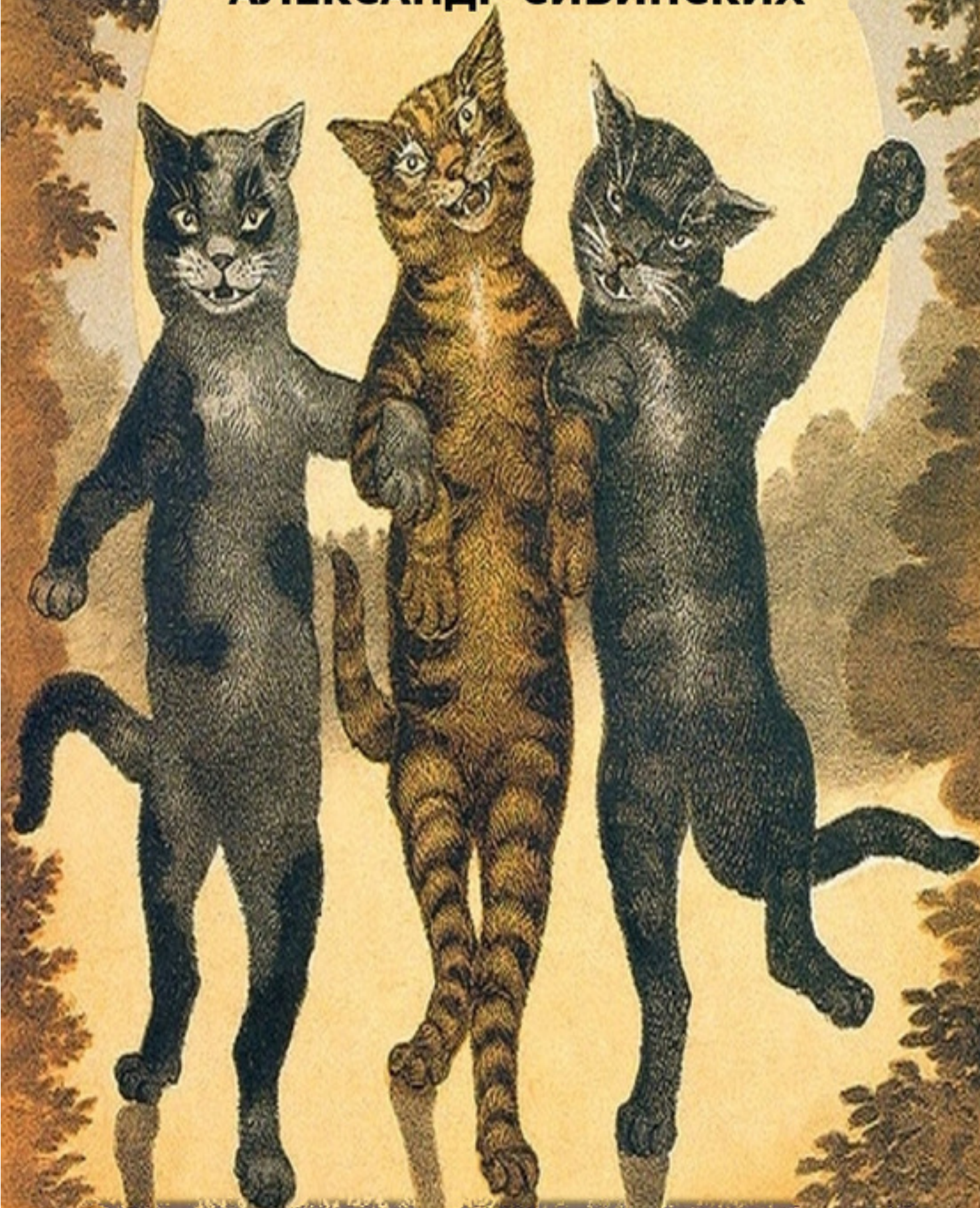

АЛЕКСАНДР СИВИНСКИХ

**ВОСЬМАЯ ЖИЗНЬ
СИЛЬВЕСТРА**

Александр Сивинских

**Восьмая жизнь
Сильвестра (сборник)**

«Автор»

2016

Сивинских А. В.

Восьмая жизнь Сильвестра (сборник) / А. В. Сивинских —
«Автор», 2016

Новый сборник рассказов Александра Сивинских. Девять направлений современной фантастики – от котопанка до альтернативки, от криптоистории до космического боевика и городского фэнтези. Девять историй, в каждой из которых читатель обнаружит закрученный сюжет и неожиданный, парадоксальный, а то и шокирующий финал.

© Сивинских А. В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Восьмая жизнь Сильвестра	5
Rasputin	12
Изгиб зеркала	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Сивинских

Восьмая жизнь Сильвестра

Восьмая жизнь Сильвестра

Похоронив под приметной рябинкой своего человека, Сильвестр запил горькую.

В дело шло всё. «Красная шапочка» на боярышнике или перце; стекломой «Хрусталик» из пластиковых канистр; метиловая до синевы «тормозуха» с ближайшего птицедрома, где техником служил одномышник Сильвестра Цыган; остатки человеческого «Гленфиддика» – торфяного, как Гримпенская трясына... и, конечно же, валериана на перваче. Последняя – в таких количествах, что впору словить бесконечный, под завязку заполненный мартовскими драками, любовными томлениями, покражей телячьей печени и медитативным лизанием пылающих колоколец глюк. Благое, пусть и воображённое избавление от кошмара внезапной потери.

Но глюк не ловился.

Зато поймалась тяжесть в правом боку под рёбрами – там, где печень. Своя, не телячья.

Тоска тоской, да только и разменивать восьмую, предпоследнюю жизнь на цирроз Сильвестру как-то не мурлыкалось. Собрав оставшиеся ёмкости с алкоголем в котомочку, он отправился к заветной рябинке да и вылил всё богатство у западной стороны аккуратного холмика, приговаривая: «Тебе-то уже не повредит».

Человек под холмиком лежал покойно, не бранился, не ворочался. Видать, и впрямь не вредило ему спиртное. Сильвестр постоял ещё немного, вывел когтями на нежной рябиновой коре глиф «хвосттрубой» (вышло кривовато, но под холмиком и на это не осерчали) да и двинул прямым ходом в больничку.

В больничке подвизался другой его одномышник, Кузьма. Мордатый, вальяжный и хоть полностью беспородный, но с габитусом коренного сибиряка. Специализировался на окоте и сопровождении беременности – всегда был падок до бабьих нежных мест.

Сидеть в компании с круглопузыми кошечками, ожидая приёма, Сильвестр стеснялся, поэтому упросил хорошенькую полосатую ветсестричку вызвать Кузьму в когтилку. Обошлось это в пакетик сухек со вкусом ягнёнка и минут десять ожидания.

Кузьма влетел в когтилку как молоденький, начисто забыв о солидности. Сгрёб Сильвестра в крепкие объятия, начал мять и гулко колотить по хребту – так, что в больной печени откликалось. Сильвестр не отставал: знай наших, интеллигенция! Набаловавшись, друзья расцепились и повисли на обмотанных пеньковым шнуром столбах. Будто в детстве.

– Ну, рассказывай, отец, зачем пожаловал? – спросил Кузьма. – Решили-таки с Буськой котятки завести?

– Нет, – коротко мотнул головой Сильвестр. – Я по другому вопросу. Ливер у меня того... Кажись, серьёзно.

Диагнозы он мог ставить и без докторской помощи. Образование получал там же, где Кузьма, только после выпуска пошёл не по женской части, а по военной. Впрочем, недолго врачевал он солдатиков: яростная идиосинкразия к подчинению быстро сделала его врагом начальства. Да таким, что главный тогдашний супостат, полярные лисы – и те могли позавидовать.

– Ясно. – Кузьма враз сделался деловит. – Жизней много осталось?

– Две. Считая эту.

– Экий ты, отец, расточительный, – укорил друга бабский дохтур. – Ну да ладно, для современной ветеринарии нет ничего невозможного. Сколько денег наскребёшь?

Сильвестр прикинул, сказал. Усы у Кузьмы поникли.

– Негусто, отец, негусто. За такую сумму мы тебя только кастрировать сможем. Да и то без наркоза. – Он невесело хохотнул. – А если дом продать?

– Дом дедовский. Не продам! – зашипел Сильвестр.

– Ладно, ладно. Тогда другой вариант. Совершенно бесплатный, но не вполне безопасный.

– На халяву и вискас – стерлядь. Предлагай.

– Всегда ты был рискованным, отец, – не то похвалил, не то упрекнул друга Кузьма. Спрыгнул со столба и принялся расхаживать по комнате, подёргивая кончиком хвоста. Волновался. – В общем, так. Есть одна конторка. По документам частная, а на деле государственная. Занимается всякими интересными да перспективными, но сомнительными с точки зрения морали и законности проектами. Одно из направлений – полное возвращение потраченных жизней.

Сильвестр от неожиданности аж присвистнул: у человека своего, покойничка, научился.

– Ох ты ж, в пёсью конуру! С господом богом решили поспорить?

Кузьма развёл лапами.

– Решили, ага. Так вот, им нужны добровольцы.

– Ну, это понятно. Я буду первым?

– Разогнался! Нет, конечно. На мышках, на собачках да на помойных бродяжках больше года тренировались.

О результатах тренировок Сильвестр предпочёл не спрашивать, спросил о другом:

– Ты-то каким боком к этому делу притёрся?

– Конкретно к этому – никаким. Только у них ведь и другие проекты имеются. В аккурат по моему профилю.

– И этот кот называет меня рискованным! – восхитился Сильвестр, поневоле припомнив, что злые языки врал, будто Кузьма за хорошую мзду может не только принять роды, но и утопить нежелательных слепышей. – Куда идти-то?

– Никуда. За тобой заедут, – сказал Кузьма. Он вдруг заторопился. – Бывай, отец. Пора мне. Девочки ждут. А в их положении терпеливость – далеко не главное достоинство.

– Бывай, – сказал Сильвестр. – Девочкам привет.

Кузьма несильно ткнул его лапой в плечо и ушёл, лупя себя хвостом по бокам. Понять его было можно. Не каждый день друга на опыты сдаёшь.

* * *

Заехали за Сильвестром ввечеру. Он подрёмывал, прижимая лапы к ноющему правому боку, когда в дверь забарабанили, будто не замечая звонка. Сильвестр встал, наскоро протёр усы и уголки глаз, открыл круглое окошечко в двери. На крыльце приплясывал в нетерпении рыжий, будто дикий лисовин, котяра. На голове у него возвышался блестящий антрацитом шапокляк с лазоревой лентой, залихватски сдвинутый к левому уху. Кожаная жилетка распахнута, яловые сапоги в гармошку. Типичный ухарь с Бездушного Конца. Встретившись взглядом с Сильвестром, рыжий ухмыльнулся, продемонстрировав железные коронки на клыках.

– Что, барин, извозчика на тот свет вызывали? – поинтересовался он голосом, которым только «Атас, братва!» кричать.

Сильвестр открыл дверь и выработанным за армейскую карьеру тоном проскрежетал:

– Прекрати кривляться, боец. Доложись по команде.

Морда у рыжего стала кислой. Он поправил цилиндр и сказал:

– Господин Сильвестр? Приказано доставить вас. Куда следует.

Заключительная фраза, понятно, была призвана отыграть ситуацию в пользу ухаря, но Сильвестр и вибриссой не повёл. Пугал один такой...

– Поехали, – сказал он сухо.

На улице их ждала пролётка, запряжённая парой механических дроф. Птицы были новейшей служебной модели – компактное крепко сбитое тело, укороченная шея, клювастая башка с яркими глазами-прожекторами и главное украшение – голенастые ноги полированной стали с могучими шишками суставов и огромными когтистыми лапами. Рыжий взлетел на облучок, Сильвестр с куда меньшим проворством вскарабкался в пассажирскую люльку.

Свистнул хлыст, дрофы сорвались с места.

Скорость у пролётки оказалась запредельной. Пневматические клапаны оглушительно хлопали, блестящие смазкой сочленения двигались во всё возрастающем темпе. Стальные когти выбивали из брусчатки длинные искры. Флогистоновые котлы в животах дроф издавали почти орлиный клёкот, перья под набегающим воздухом пели торжествующий гимн стремительности. Ухарь вертелся на облучке выюном, а хлыстом выписывал такие петли, что Мёбиус с Эйлером свихнулись бы, возмись переводить их в математические формулы. Поразительное дело, шапокляк с лазерной лентой не свалился во время этой дикой гонки! Так и сидел на рыжей башке, будто приклеенный.

Они обогнули центр города, махнув через кварталы смешанного заселения, где слышалось потягивание енотов да уханье сов и филинов, затем миновали собачье гетто, где густой псовый дух поневоле заставлял шерсть вставать дыбом, а когти нестерпимо чесались от желания располосовать чью-нибудь плоть. И ведь не был Сильвестр расистом, а поди ж ты! Природа, брат.

Потом город кончился. Пролётка понеслась ещё быстрее, хоть и казалось ещё недавно, что быстрее просто некуда.

Солнце закатилось, окрасив горизонт сперва в нежный цвет голубиной крови, а потом – в цвет бычьей, запёкшейся. Быстро потемневшее небо внезапно брызнуло влагой. Вдалеке расцвела зарница, другая. Докатился гром, сперва обманчиво мурлыча, как дорогая гризетка, потом ахнув как осадная мортира. Возница от избытка чувств засвистел по-разбойничьи, а Сильвестр натянул на грудь кожаный полог.

К высоким воротам подъехали уже в полной тьме, под проливным дождём. Дрофы, казалось, не по дороге бежали, а плыли, раздвигая мускулистыми грудями струи ливня, как выдры – водную толщу. От ворот влево и вправо уходили литые чугунные копыта ограды, сквозь которые протягивала наружу лохматые ветви какая-то зелень. Точно на волю из тюрьмы просилась. Рыжий привстал на цыпочки, взмахнул хлыстом. Кончик угодил по невидимому из глубокой люльки колоколу.

Ворота открылись, когда протяжный чистый звук ещё не успел затихнуть.

По подъездной дорожке пролётка ехала медленно, степенно даже, а остановилась перед домом, который выглядел скорее загородной усадьбой миллионщика, чем научным центром. Возница спрыгнул с облучка, раскрыл невесть откуда взявшийся большой зонт. Под его прикрытием Сильвестр взошёл на крыльцо.

Возле двери уже ждали.

Сильвестр рассмотрел встречающего и от недоумения сипло мяукнул.

* * *

Она была чистойшей абиссинкой, с неповторимо изящным и в то же время сильным телом, безупречно вырезанной мордочкой и остроконечными ушами такой формы и размера, от одного взгляда на которые рот Сильвестра немедленно наполнился вкусом и запахом шерсти с женского загривка. Её шерсти.

– Здравствуй, Ада, – сказал он.

– Здравствуй, Сильва, – ответила она. – Неважно выглядишь.

– Зато ты красивее прежнего.

Она улыбнулась – так быстро, что другой нипочём не заметил бы. Но Сильвестр знал её лучше, чем любую из множества кошек, которым кусал загривок в любовных играх. Да и как не знать – из-за расставания с Адой он потерял вторую жизнь. Самую цветущую, юную и насыщенную. Самую короткую. Однако ж, повторись их недолгий роман снова и снова оборвись как тогда, – без размышлений разменял бы ещё одну.

– Что ты тут делаешь? – спросил он, войдя вслед за нею в хорошо освещённую и просторную, как общественная когитка в торговом центре, парадную.

– Руковожу отделом возвращения, – ответила Ада.

– Возвращения куда? – словно персонаж скверно переведённой лисьей синема, удивился Сильвестр.

– Не куда, а чего, – поправила абиссинка. – Мой отдел возвращает утраченные жизни. Разве ты не за этим сюда приехал?

– Да-да, прости. Я слегка взволнован.

– Понимаю. Любой на твоём месте волновался бы.

Ему захотелось возразить, встряхнуть её, крикнуть, что любой другой волновался бы из-за пёс её раздери, операции, а он – из-за близости Ады, её запаха, её тепла, поступи её лап и изгиба её шеи, но это выглядело бы как нытьё слабака. А ему сейчас меньше всего хотелось выглядеть слабаком.

– В чём заключается операция? – спросил Сильвестр. – Впрочем, дай-ка угадаю. Вы упрячете меня в машину времени и зашвырнете в прошлое. Учти, первую жизнь я просадил ещё котёнком, и двигать меня придётся чуть ли не в младенчество.

Шутка, судя по всему, не удалась. Ада без улыбки кивнула:

– Ты всегда был проницательным, Сильва. Мы действительно работаем со временем. Только не с прошлым или будущим. Даже не с настоящим. С промежуточным.

Они уже давно покинули парадную. Длинным коридором со множеством тяжёлых деревянных дверей дошли до винтовой лестницы, ведущей вниз. Радиус лестничной спирали был велик, как и всё в этом здании. На стенах висели картины, изображающие то алхимиков прошлого, то кровавые сражения, а то и совершенно неподходящие для столь величественного места весёленькие пейзажики с играющими человеческими детишками. Закончилась лестница тоже не самым ожидаемым предметом – полукруглой литой дверью, похожей на печную заслонку высотой и шириной в три кошачьих роста. Сплошь покрывающие «заслонку» барельефы изображали геометрические кривые – столь же сложные, как те петли, что давеча описывал кнут рыжего возницы.

Ада с видимым усилием провернула колесо запорной кремальеры, потянула дверь и предложила:

– Входи.

Сильвестр вошёл. Тут же вспыхнул слепящий свет ртутных фонарей. Помещение практически целиком занимал глубокий бассейн. Под неестественно синей поверхностью воды – или не воды? – виднелись угловатые абрисы странных агрегатов. Настолько отличных один от другого, что их скопление казалось скорее свалкой механического лома, чем лабораторным оборудованием. Одни агрегаты походили на военные машины, другие – на качели и карусели, созданные инженером-кубистом, третьи – на медицинское оборудование. Были там устройства, подобные выпотрошенной мебели, и подобные выпотрошенным живым существам. Большие и малые, блестящие и матовые. Между ними совершало сложные эволюции сдвоенное колесо с парой опорных катков – точь-в-точь искорёженный зарядом шрапнели детский велосипед. Один из рогов руля был непропорционально длинен и задирался высоко вверх, до самой поверхности бассейна, повторяя безумную траекторию «велосипеда», как перископ разведывательной субмарины – её путь в приполярных фьордах. Пахло озоном, металлом и почему-то водорослями.

У Сильвестра вдруг с неожиданной силой разболелось в правом боку. Он задохнулся и всадил когти в собственные подушечки – чтобы не заорать. Ада заметила, подхватила его под лапу и усадила куда-то. Поднесла чашку с напитком, чуть ли не с силой влила в рот. Он проглотил жидкость, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Почти сразу полегчало.

– Рассказывай дальше, – пробормотал он. – Что за промежуточное, пёс его дери, время? Между чем и чем?

– Между любыми мгновениями, – сказала Ада, тревожно всматриваясь в его зрачки. Увиденное её успокоило, она откинулась на спинку жестковатой кушетки. – Как думаешь, откуда берутся лишние дни, которые добавляются в високосные годы? Или откуда, например, взялась разница в тринадцать дней между нашим календарём и Трезорианским календарём псов-схизматиков?

– Сутки несколько длиннее двадцати четырёх часов. Погрешность накапливается.

– Никакой погрешности нет, Сильва. Есть промежуточное время, которое мы не умеем замечать. Называют его также избыточным. Терминология до сих пор не устоялась, однако факт наличия этого времени безусловен. Представь две одинаковые книги, одну новую, другую читанную. Которая из них толще?

– Читанная, конечно. Страницы треплются, между ними попадают пылинки, где-то закладка останется или загнутый уголок.

– Ну вот. Ты практически дал научно-популярное объяснение промежуточному времени. Страницы – это наши часы и минуты. Соринки и морщинки бумаги – кванты избыточного времени. Только, в отличие от вполне материальных соринки, лишнего времени мы не видим. Ощутить его невозможно. То есть было невозможно, пока не появилось это. – Ада кивнула на бассейн.

Сильвестр бросил взгляд на синюю гладь. «Перископ» рисовал вытянутые восьмёрки неподалеку от них. В глубине, над башенкой массивной хреновины вроде танка набухали серебряные пузыри, отрывались, плыли вверх и вдруг исчезали, не достигнув поверхности.

– Интересно. Но какое отношение весь этот междустраничный сор имеет к моей печени?

– Я помещу тебя туда, в один из таких промежутков. Теоретически, оставшись без связи с нашей реальностью, твой организм откатит все параметры к нулю. К началу шкалы. В том числе, растроченные жизни.

– Теоретически, – ехидно повторил Сильвестр.

– Да, именно так. Обманывать не стану, практики у нас крайне мало. Мыши, крысы. Два приговорённых к смерти преступника. Не коты, енотовидные собаки.

– И как результаты?

– Удовлетворительные. Мышей и крыс удалось вернуть, причём все излечились от весьма опасных болезней. Включая чуму.

– А еноты?

– Енотовидные собаки, – машинально поправила Ада. – Мы не смогли извлечь их обратно.

– Погибли?

– Вряд ли. Я думаю, они просто не захотели возвращаться. Здесь они в любом случае остались бы изгоями, вдобавок объектами постоянного наблюдения. А там... может быть, там рай. Мы до сих пор не знаем. Синемографы, закреплённые на крысах, не сняли ничего. Поэтому-то нам и нужен доброволец. Отчаянно нужен, Сильва!

«Который, вдобавок ко всему, будет стремиться обратно, надеясь на благосклонность прекрасного экспериментатора», – подумал Сильвестр.

– Хорошо, я готов, – сказал он.

Ада поднялась с кушетки и повелительно взмахнула лапой.

* * *

Его наскоро обследовали – давление, пульс, нервные реакции, – усадили в неудобную металлическую корзину и крепко притянули к прутьям ремнями. Ада самолично, не доверяя никому, сделала Сильвестру полдюжины болезненных инъекций, залепила уши воском и наложила на морду мягкую латексную маску с крошечным дыхательным баллончиком. Воздуха в нём было на пять-шесть минут. После того, как кислород закончится, сработает реле, ремни отстегнутся, а крышка корзины откроется. Сильвестр к тому времени уже будет «между страницами». Чтобы вернуться, ему потребуется влезть обратно в корзину и повернуть два рычага. Вот и вот. Пока что они будут прикрыты предохранительными колпачками.

Сильвестр поинтересовался, нельзя ли обойтись без этой опасной сбруи, которая по закону подлости возьмёт, да не расстегнётся. Ему терпеливо объяснили, что без сбруи – нельзя. Организм погружённого в бассейн кота рефлекторно будет рваться наружу. Этого не победить ни напряжением воли, ни тренировками. На которые, к слову, совершенно нет времени. А волнуется он напрасно, механизм открывания надёжный, отлаженный и проверенный сотнями испытаний.

Корзину со съжившимся Сильвестром подвесили над центром бассейна. Свет приглушили. Монотонный голос, похожий на щелчки взводимых курков, начал обратный отсчёт. От шестидесяти.

Зачем так долго, мучители вы драные?! – захотелось спросить Сильвестру, но в этот момент, на счёте сорок три, зацепы разъединились, и корзина бултыхнулась в воду.

Он сразу понял, зачем нужны ремни. Ледяная вода прохватила до самых костей и вогнала его в такой тёмный, хтонический ужас, какого он не испытывал даже на войне, под артиллерийским обстрелом. Он не мог думать ни о чём, кроме одного: наверх, к воздуху! Он извивался, выл в маску, бессильно выпускал и втягивал когти, а холодная жуть вокруг него лишь уплотнялась. К нему сдвигались агрегаты, протягивали рычаги, вращали зубчатками, шёлкали храповиками, открывали и закрывали похожие на беззубые пасти крышки люков и лючков. Это, собственно и было одним из предназначений подводных агрегатов – напугать до усрачки. Вторым – расшатать структуру времени, чтобы рехнувшийся от страха подопытный ринулся в открывшуюся прореху, не задумываясь о том, что она такое.

Сильвестр почти агонизировал. Вода с силой вдавливала воск в уши, обжигала глаза, которые никто не догадался защитить.

Потом кончился воздух.

Ремни отстегнулись.

Никакого рая не возникло.

Никакого пёся кровь, рая! Совсем!

Возникло бесконечное холодное пространство, заполненное сыростью, страхом, омерзительными запахами, каменными плоскостями до неба и движущимися тенями. Сильвестр вымахнул из корзины и шмыгнул в какую-то щель. Там валялась грязная тряпка. Словно издёвки ради, она имела форму раскинутых ангельских крыл. Под тряпкой что-то копошилось.

Сильвестр зашипел и попятился.

Кто-то чудовищно огромный и сильный подхватил его и вознёс высоко вверх. Сильвестра омыл знакомый, но многократно усиленный запах.

Пахло его покойным человеком. То есть, очень даже живым.

– Ох, мокренький-то какой, – прогремело над ухом. – И в уши чего-то натолкали. Руки бы оторвать уродам.

– Это не уроды, – пробормотал ошарашенный Сильвестр, – это Ада. Чтобы вода не попала.

– Ну-ну, не плачь. Всё закончилось. – Человек погладил его по спине и бережно упрятал куда-то, в тепло и сухость. Голос его звучал с той же нежностью, какую сам Сильвестр испытывал когда-то к нему. Ещё до появления холмика под приметной рябинкой. – Сейчас придём домой. Там тебя накормят и будут любить. И не кастрируют, нет-нет! Я обещаю.

– Но мне нужно вернуться, – без уверенности в голосе проговорил Сильвестр. – Меня ждут. Результаты эксперимента...

С каждым словом он говорил всё тише, осознав вдруг, что плевать ему на эксперимент, – и даже на Аду, в общем-то, плевать. Что возвращаться из этого междувремени ему несколько не хочется.

Он свернулся клубочком и закрыл глаза. Только от идеи замурлыкать, поразмыслив, отказался. Может быть, позже. Если человек заслужит.

Печень совсем не болела.

Rasputin

1. Петербург, 30 декабря 1916 года. Около 3 часов пополудни.

Надрывно хрипя и матерясь от тяжести борьбы с моим весом и своим грехом, меня волоком подтащили к проруби, пешней выбили зубы, каркнули что-то не по-русски и столкнули тело под лёд. Чёрная, смертельно-холодная вода расступилась сразу до дна – будто открылся колодец в Преисподнюю. Течение с натугой перевернуло меня лицом вверх, смыло грязь стянувших тело пелён, раскинуло руки крестом и понесло. Я то открывал глаза, то вновь закрывал; от этого почти ничего не менялось. Толстый лёд сверху, колючий лёд под веками, вечный лёд в груди. Но вдруг, весь в шлейфах пузырьков, на меня рухнул пожарный багор. Кованый крюк вонзился под нижнюю челюсть, сразу глубоко, до языка.

На этом всё кончилось – для моих убийц, моего Отечества, моего Государя.
Для меня – только началось.

2. Ленинград, 12 июля 1944 года. Время неизвестно.

Сладко ли нежиться в меду? Спроси у того, кто провёл в нём четверть века и ещё три года, и получишь по роже.

Хранители разбили коньячную бочку, топорами скололи с моего тела засахарившийся до стеклянной твердости мёд, а остатки смыли горячей водой. Грохочущие цепи спустились с потолка, чтоб подхватить под мышки мясницкими крючьями, но я гневно оттолкнул их, воздвигся на колени и вознёс хвалы Господу. Не подложному божку никониан-щепотников, милосердному и всепрощающему, а истинному, карающему, грозному Вседержителю старого обряда.

Потом я начал падать, и крючьям нашлось-таки применение.

Те, кто управлял ими, не церемонились, да я и не ждал сестринских нежностей от этих женщин в мужской одежде и с мужскими лицами. Тем больше удивился, когда на железном корыте с колёсами привезли меня не к выгребной яме и не в пыточную, а к лекарю. Величавый старик в белом халате и с нелепой шапочкой на темени долго мял меня сильными пальцами, выстукивал молоточком, светил в глаза слепящим лучом, ковырялся в телесных дырах блестящими инструментами, а под конец больно сжал ятра.

Я отбросил его руку прочь.

– Прекрасно, прекрасно, – сказал лекарь. – С учётом того, что вам довелось перенести, можно сказать, что вы настоящий крепыш. Раны зарубцевались, мышечный тонус высокий, все реакции в норме. Немного подлатать, подкормить, и будете как новенький. Простите за каламбур. – Он сделал паузу, ожидая моей реакции. Пауза затянулась сверх всякого приличия, и он не вытерпел: – Ведь ваша настоящая фамилия Новых?

Я безмолвно перебирал бороду, разделяя слипшиеся волосы.

– Почему вы молчите, Григорий Ефимович?

Растянув губы в ухмылке, я обнажил беззубый провал рта.

– Ах вот оно что! Ну, это не страшно, протезы мы вам вставим. Желаете золотые? Фарфоровые?

– Из воронёного Златоустовского булату, – прошепелявил я, брызжа медовой слюной. – Да смотри, чтоб с молитвой делали!

3. Ленинград, 19 июля 1944 года. 17–30.

Зубы вставили через неделю, да так ладно, что казалось – свои. Наконец-то я смог поесть варёной телятины и ржаного хлеба, и хрустящего малосольного огурца, а не той сладковатой размазни, которой меня потчевал не то слуга, не то тюремщик – косоглазый и кривоногий киргизец Федыка.

Трапеза ещё не была закончена, когда в комнату вошли трое военных. Два солдатика с револьверами сразу встали у двери. Третий, обладатель твёрдых будто щепень глаз, прошагал к столу и по-хозяйски уселся за него.

– Хлеб да соль, Григорий Ефимович.

– Мы едим, а ты не облизывайся, – ответил я, как учил отвечать незванным гостям отец, и отодвинул снесь на край стола.

– Не волнуйся, я сыт, – сказал камнеглазый. – Меня зовут Виктор Семёнович Абакумов. Начальник контрразведки Наркомата обороны СССР.

– Наркомат и Эсэсэсэр – имена воистину демонские. Сатане служишь?

Так просто вывести из себя Абакумова не удалось.

– Я служу своей стране, – сказал он спокойно. – Союзу Советских Социалистических Республик. Одна из республик – Советская Россия. Наркомат расшифровывается как народный комиссариат. Впрочем, у моей организации есть ещё одно название. СМЕРШ. Можешь называть так, если больше нравится.

– Ладно, – сказал я. – Говори, что надо.

– Сейчас идёт война, Григорий Ефимович. Война с Германией, большая и очень тяжёлая. Мы побеждаем, но платим громадную цену. Миллионы советских людей уже погибли и неизвестно, сколько погибнет ещё. Тебя оживили, чтобы ты уничтожил Гитлера.

Я нахмурился. Распутина убивали многожды, но Распутин не убивал никогда.

– Кто таков этот Гитлер? Кайзер? Император?

– Фюрер. Главный вдохновитель немецкого народа. Если его не станет, гитлеровцы мгновенно растеряют боевой дух. Тогда мы их просто раздавим.

– Россия воюет с германцем в одиночку? – Произносить этот самый Союз каких-то там Республик у меня язык не поворачивался.

– Нет. Соединённые Штаты Америки и Великобритания – наши союзники. Япония, Италия и куча мелкой европейской сволочи вроде румын и венгров – на стороне Гитлера.

– Франция?

– Франция разбита. Польша разбита. Сербия сражается. Немцы очень сильны. Поэтому их нужно обезглавить. Гитлер сейчас находится в своей главной военной ставке – «Вольфшанце». Туда тебя и забросят.

– «Вольфшанце»? – переспросил я. Слово было мерзостным и ранило рот, словно обломок зуба.

– «Волчье логово». Это в Восточной Пруссии, район Растенбурга. Операция готовилась совместно отечественной и британской сторонами.

– Обманут вас джентльмены.

– Ты мне эту панику прекрати, – с угрозой сказал Абакумов. – Пророк херов. Своё убийство предвидеть не мог, а туда же...

– Какая паника? Ведомо мне, что так будет. Они ведь всегда обманывают. Умный народ, но подлый. А смертушку-то свою я видел. Как в синемаатографе видел. Да бежать от неё не желал. Ибо всё в руке Господней. – Я размашисто перекрестился двуперстием.

Абакумов поморщился, будто и впрямь был клеймён Сатаной.

– Далее. Диверсионных групп будет несколько. На случай, если ты не дойдёшь. Кроме того, у нас имеются союзники в окружении самого Гитлера. Главный расчёт – на них. Завтра, с двенадцати до часу пополудни, они взорвут бомбу в кабинете совещаний. Если по какой-либо причине Гитлер останется жив, его наверняка попытаются эвакуировать. Либо бронепоездом,

либо самолётом. В районе аэродрома фюрера будешь ждать ты. Но не один, а с напарником, который в тонкостях знаком со всей операцией. Тем не менее, командуешь ты.

У него и в мыслях не было, что я откажусь. Да я и не собирался.

– Что за напарник?

– Англичанин. Вернее еврей. Надеюсь, ты не антисемит?

– Галилеяне – божий народ. Моего секретаря звали Арон Симанович.

– Вот и прекрасно. – Абакумов повернулся к солдатам: – Позовите господина Даяна.

4. Воздушное пространство над Польшей, ночь с 19 на 20 июля 1944 года.

Огромный, выкрашенный в густо-чёрный цвет аэроплан стряхнул наш планер в ночном небе, как мужик стряхивает соплю с пальцев. Аппаратик из дерева и шёлка клюнул носом, у меня перехватило дыхание, но Мойша выровнял полёт за считанные секунды. Я покрутил головой, однако не смог ничего рассмотреть. Даже звёзд не было. Будто мы не в небесах парили, рядом с ангелами и птичками Божьими, а тонули в океане, заполненном вместо воды отменной китайской тушью. Да и впрямь, какие ангелы ночью? Не встретить бы бесов.

– Долго лететь? – спросил я, наклонившись к затылку галилеянина.

– Часа полтора.

– Тогда спать буду. Разбуди перед приземлением.

Он соорудил кружок из указательного и большого пальцев.

Надеясь, что это не изображение срамного места или другой какой пакости, я закрыл глаза и в минуту заснул. Приснилась Хиония Гусева, но не сующая с дикими проклятьями нож мне в живот, а ласково кормящая грудью – большой и мягкой, как у Аньки Вырубовой.

5. Восточная Пруссия, лес Гёрлиц, 20 июля 1944 года. Раннее утро.

Облачённый в пятнистый балахон русского пластуна, гибкий и подвижный, галилеянин был почти незаметен в лесу. Плоская тридцатифунтовая банка с керосином, висевшая у него за спиной на лямках, и скорострельный пистолет-пулемёт Дегтярёва были обмотаны зеленовато-бурыми тряпками. Для маскировки. Лицо закрывала тёмная противокомарная сетка, сквозь которую едва виднелась золотая звезда пророка Давыда на чёрной кожаной заплате поверх пустой глазницы.

Я же не скрывался. Незачем. Не тать, но архангел воздаяния, идущий, чтоб свершить Божий Суд. Чёрная косоворотка отменного шёлку, плисовые штаны с лампасом, заправленные в низкие яловые сапожки; расшитый петухами алый кушак. Смазанные коровьим маслом волосы блестели под ранним солнцем, борода топорщилась дворницкой метлой. Тощий солдатский сидор с немногими нужными вещами был по-таёжному смещён на грудь.

Жадный лесной гнус не приближался ко мне ближе, чем на аршин. Зоркие глаза лесных тварей не видели меня, чуткие носы не обоняли, настороженные уши не слышали. И лишь трепещущие неизъяснимым ужасом сердца гнали прочь – хоть хищника, хоть жертву.

Шагалось легко и даже весело. Лес был не по-нашему чист. Ни буреломы, ни сухих деревьев – всюду чувствовалась рука привыкшего к порядку германца. На что им сдалась Россия, дуракам? Дикую да вольную, её не обходишь и за тысячу лет. Будь ты хоть сам император Карл Великий.

Спустя три часа резвого хода я поднял длань.

– Стой. Можешь перекурить и оправиться.

Пока галилеянин шумно мочился в ложбинке за кустом черёмухи, я достал из сидора лаковый портсигар с вензелем дома Романовых. Раскрыл. Внутри, в замшевых ямках, лежали востроносые ампулы тёмного стекла и стальной шприц с гранёной иглой. Быстро закатав рукав,

я перетянул левый бицепс кушаком, сжал кулак. Синие вены вздулись сибирскими реками в половодье. Из разломленной ампулы потянуло не то цветами, не то коньяком.

– Э-э-э... – протянул мой спутник. – Морфий?

– Прополис. На бензольном спирте. – Я вогнал иглу в вену и медленно надавил на плунжер шприца. Через миг тело затрясло как в лихорадке.

– Ого. Но, кажется, прополис – это сперма пчёл. – Мойша усмехнулся. – Вводить её себе? Отдаёт гомосексуализмом.

Я выждал до поры, когда трясушка начала стихать и ответил:

– Не сперма, но уза. Клей. Да и тому ли, чей народ горел в Содоме и Гоморре за грехи мужеложества, корить меня?

Галилеянина словно ударили по лицу – упоминание о гибнущих в огне единоверцах срезало его улыбочку как ножом. Он щёлкнул зажигалкой, остервенело втянул едкий дым.

– Затуши, – приказал я, опоясываясь. – Выдашь нас своей коптильной.

– Сам разрешил перекурить, – огрызнулся он.

– Затуши.

Он пробурчал какой-то вздор, присел и растёр тлеющий конец сигары о каблук. Башмаки у него были видом безобразные, но крепкие – рыжие, шнурованные, с высокими голенищами и толстенными рубчатými подошвами. Такими только яйца давить. Или, положим, челюсти. Я провёл пальцем по занывшим вдруг булатным зубам с гравировкой «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и скомандовал:

– Двинули. Я первый.

Теперь идти следовало более осторожно. Патрулей я не опасался: даже столкнувшись с нами нос к носу, они и их псы пройдут мимо. Куда страшней были минные поля, петли, ямы и другие подлые ловушки, которыми густо нашпиговали лес немцы. Будто самый цивилизованный народ Европы превратился вдруг в раскрашенных дикарей Нового Света, добытчиков скальпов и пожирателей человечины.

– Что это? – Галилеянин схватил меня за плечо. – Вон там. Трупы?

В широкой, но неглубокой ложбинке, почти сливаясь цветом с травой, виднелось несколько удлиненных бугорков. Над ними вились мухи.

– Посмотрим, – сказал я.

Тела, истоптанные и разорванные в клочья, уже начали припахивать. Судя по одежде и оружию, это были солдаты, но не русские и не немцы. На некотором отдалении валялся виновник их гибели: боевой тевтонский кабан. Огромный зверь с аршинными клыками, от пятака до хвоста закованный в железные доспехи. Часть бурых от крови броневых пластин была сорвана. Перепаханная пулями плоть под ними напоминала паштет. Приживлённая к кабаньему загривку голова погонщика – белобрысого подростка лет двенадцати в рыцарском шлеме – удивлённо смотрела в небо белёсыми чухонскими глазёнками через дыру на месте отвалившегося забрала.

Экая мерзота! Германцы и впрямь одичали, раз творят такое. Я с гневом плюнул на бесовскую тварь.

Мойша перевернул тело одного из погибших, чертыхнулся.

– Наши.

– Англичане?

– Американцы. Группа «Бастэрдс» лейтенанта Рейна. Я думал, парни действуют во Франции. Какая бесславная гибель – быть затоптанным свиньёй...

– Подбери сопли, – сказал я. – И вперёд. У нас мало времени.

б. Аэродром военной ставки «Вольфшанце», 20 июля 1944 года. 13–10.

Фюрер немецкого народа, человек, заливший полмира кровью, выглядел жалко – трясущийся мелкий сморчок, контуженный, посечённый щепками, в запорошенном известковой пылью мундирчике. Я взял поганца за шкирку, как Руслан Черномора, поднял на уровень лица и посмотрел ему в глаза. Он пискнул и тотчас опустил синюшные, набрякшие веки. Но я успел разглядеть в зрачках то, чего не видел никто. Нет, это было не безумие, не одержимость; это была смертная тоска гусеницы, заживо пожираемой изнутри личинками осы. Когда-то этот человек впустил в себя паразита, надеясь на величие, которое тот пообещал. Величие было достигнуто, только какой ценой? Человек больше не принадлежал себе. Паразит питался его добротой и любовью, упромысливал его в мозг длинным ядовитым стрекалом и обильно срал ему в душу.

Душа, превращённая в уборную, смердела.

Мне встречались такие страдальцы и раньше. Обычно это были люди гордые, честолюбивые, часто богатые. Купцы, дворяне, писатели, актёришки. Фабриканты, военные, куртизанки. Даже священники. Ко мне самому во время радений на Афоне приходил такой паразит. Червяк в локоть длиной, а толщиной с мизинец, мягкий и кольчатый. С маленькими ручками числом четыре, крошечным личиком непорочной девицы, но бесстыдными чёрными губами дудочкой. Непостижимым образом выполз из обычного камня, весь в сиянии, будто святой, и приступил ко мне, обещая милым голоском безбедную жизнь, злато и власть над людьми. Нужно было лишь впустить его к себе внутрь, чтоб он улёгся вдоль позвоночника. Я порвал гадину надвое и в ужасе отбросил корчащиеся останки. Они светились всю ночь, как бы вопрошая: не ангела ли ты убил, Григорий?

Наутро пришли монахи, забрали увядший прах искусителя и рассказали, что подобные аспиды живут на Луне, в гигантских пещерах, где у них целые города, и являются не демонами, но лунными людьми. К нам попадают со звездопадами. Убивать их грешно, а только и принимать в себя грех сродни прелюбодеянию. Изгонять их должно строгим постом. Одного не сказали монахи, как поступать с изгнанными аспидами.

Позднее оказалось, что изгоняются они также хлыстовскими оргиями, молитвами, оскотлением, тяжёлым трудом, удушением, прижиганием либо утоплением, а вместо убийства можно отдавать их курам. Глупые птицы клевали ползучих лунных человечков веселей, чем мочёный в вине хлеб.

Я видел сотни лунных аспидов, но разжиревших до такой тучности, как у плюгавого фюрера – никогда. Изгнать его было невозможно. Только убить.

Сунув Гитлера вверх ногами в мешок – он уместился почти целиком, – я повернулся к галилеянину. Тот с бесстрастным выражением на одноглазом лице забивал черномундирных офицеров из усыпленной мной свиты Гитлера. Точно библейский патриарх козлиц. Ножом, в сердце. Рука мерно вздымалась и опускалась. На кулаке, обмотанном кожаной повязкой, поблёскивал золотой магендавид. Я ждал, что Мойша будет при этом творить иудейскую молитву или выкрикивать проклятия, но он молчал.

– Хватит, – сказал я. – Уходим.

Он замер с поднятой рукой.

– Я должен прикончить всех. Даже этого будет мало, но я должен...

– Нет, – оборвал его я и, крикнув, забросил мешок с фюрером на плечо.

Мойша разжал пальцы. Нож брякнулся о бетонный пол ангара. Галилеянин аккуратно смотал повязку с кулака, обтер о штанину и надел на голову, спрятав под кожаной полосой пустую глазницу.

Второй глаз был пуст ничуть не менее.

7. Восточная Пруссия, лес Гёрлиц, 20 июля 1944 года. 15–30.

Мы остановились в знакомой ложбинке. Усадили Гитлера верхом на канистру и примотали медной проволокой, чтобы не сползал. Похоже, он окончательно перестал понимать, что происходит: мелко кивал головой, сбивчиво лопотал, время от времени тихо, но яростно вскрикивал. Я предложил сжечь вместе с ним тела американцев, но Мойша воспротивился.

– Не дело славным парням гореть рядом с падалью.

Фюрер вдруг замер, выпрямил спину, вскинул голову. Прояснившимся взглядом уставился на галилеянина и, трясая сальной чёлкой, прокаркал фразу из трёх и ещё трёх слов. Не русскую, не немецкую, не иудейскую. Вообще не человеческую. Это был язык лунного аспида. Очнувшегося после контузии, собравшегося с силами и приказавшего убить меня.

Сопrotивляться силе, способной повелевать целыми народами, Мойша не мог. Он вздрогнул и рывками, как заводной манекен, демонстрирующий в витрине модную шляпу, потянул с плеча пистолет-пулемёт.

Тогда я обеими руками вцепился в бороду, рванул её – до боли, до хруста в челюсти – и промолвил:

– Умри!

Вместе с последним звуком из пылающего жерла моей глотки вырвался снаряд, в который сплавились пули Пуришкевича, юсуповские цианиды, моя дикая ненависть и моя святая вера. Оседланного лунным аспидом сморчка разорвало надвое. Рухнувшие наземь останки мгновенно вспыхнули, будто охваченные адским пламенем. Я сшиб оцепеневшего галилеянина с ног, упал рядом.

Взорвалась канистра.

...Мойша раздавил башмаком то, что осталось от фюрерского черепа, вмял прах в землю и глубоко затянулся трещащей сигарой. Ладони у него были сплошь в мозолях: хоронил американцев. Хоть почва в ложбинке и была песчаной, но для рук, отвыкших от крестьянской работы, рытьё братской могилы стало тяжёлым испытанием.

– Бросал бы ты всё-таки курить, – сказал я. – Бесовская привычка.

– Может быть, после войны. Что ты там вырезаешь?

– Закончу, увидишь.

Когда я отошёл от берёзы, по стволу сверху вниз тянулась надпись: «Здесь погребена собака».¹

8. Подмосковье, 21 ноября 1944 года.

В этот раз Абакумов пришёл один, без солдатиков.

– Вчера утром Гитлер покинул «Вольфшанце», – сказал он. – Говорят, очень плох, почти потерял голос, подавлен. Но всё-таки жив и продолжает командовать. Десять дней назад лично отдал приказ атаковать союзников в Арденнах.

– Не он. Не настоящий. – Меня колотило после недавнего укола, язык онемел, поэтому я старался говорить коротко. – Двойник. Или артист.

– Теперь это не имеет значения. Наша операция провалилась. Гипноз, магия, сжигание колдунов на кострах окончательно дискредитировали себя. Только броня, снаряды, самолёты. Да ещё русский Ваня со вшами, матом и трёхлинейкой. – Абакумов хлопнул ладонями по столу. – Ты нам больше не нужен, Григорий Ефимович. Ни в каком качестве. Приказом от двадцатого ноября ты лишен инъекций. Сегодняшние уколы – мой личный подарок.

Против воли вырвалось бабское:

¹ На месте сожжения трупа человека, опознанного как Григорий Распутин, на березе были начертаны две надписи. Одна на немецком языке: «Hier ist der Hund begraben» («Здесь погребена собака»). Вторая гласила: «Тут сожжен труп Распутина Григория в ночь с 10 на 11-е марта 1917 года».

– Я же сгнию.

– Ну-ну, отставить нытьё. Не такие мы и звери. Бочка с мёдом уже готова. Мёд алтайский.

– Не пойду в бочку, хоть казните. – Я изо всех сил сжал кулак. Стальная трубка шприца смялась как бумажка.

– Что же, – спокойно сказал Абакумов, – мы ждали такой реакции. Поэтому приготовили другое предложение. Вода Ледовитого океана. Холодная и солёная. Товарищам из экспедиции «Северный полюс» будет поставлена задача не только наблюдать за дрейфом полярных льдов и тем, как любят белые медведи, но и присматривать за объектом «Г.Е.Р.». Выбирай.

Океан ледяной солёной горечи против бочки тёплой душистой сладости. Разве это выбор? Это готовое решение.

– По лицу вижу, Ледовитый тебя устраивает, – сказал Абакумов. – Признаюсь честно, рад. Свыкся с тобой. Есть в тебе что-то правильное, основное, первоначальное. Исконное. То, что мы незаметно потеряли вместе с проклятым царизмом. – Он усмехнулся, впервые за время нашего знакомства. – Хочешь что-нибудь напоследок? Женщину? Спиртное? Цыган с медведем?

– Помолиться, – сказал я. – За победу русского оружия.

9. Воздушное пространство над проливом Маточкин Шар. 22 ноября 1944 года. 13–00, полярная ночь.

Грозный русский вал, ускоряясь, нёсся на Запад. На глазах у потрясённой планеты Россия меняла пол, превращаясь из строгой и целомудренной Родины-матери в жадного до крови и плотских радостей Перуна. Он могучими толчками всё глубже и глубже вторгался в тело Германии, чтобы в конце концов под рёв артиллерии выплеснуть своё торжество алым полотнищем над Рейхстагом.

А меня всё дальше и дальше на север уносил огромный ТБ-3. Там, где пролегает граница между открытой водой и подвижными льдами, пилоты снизятся, отворят бомболюк, и я шагну вниз. Ледовитый океан примет меня и укроет ещё на семьдесят лет. Вернусь я, когда исполнится ровно век со дня моей гибели. Вряд ли большие и малые фюреры с аспидами внутри к тому времени полностью исчезнут. А значит, мне понадобится дюжина прожорливых кур, керосин, медная проволока и решительный помощник. Не обязательно галилеянин.

И уж тем более не обязательно – одноглазый.

Изгиб зеркала

Отсюда, с земли, монтеры, шагающие по проводам высоковольтной линии, казались россыпью нот на нотной линейке. Какая-то из них была певучей, звонкой и высокой «си» – синеглазой Зиной Масленниковой.

Лагунов вытянул губы трубочкой, словно собрался просвистеть эту самую «си», но так и не свистнул. Он подтянул перчатки и взялся за железную перекладину лестницы.

– Ну това-арищ полковник, – заканючил лейтенант Федин из штаба, приплясывая от волнения. – Ну зачем вам это? Сейчас товарищ Зерикидзе покричит в мегафон, она сама спустится.

Усатый бригадир булькнул горлом, энергично кивнул и взмахнул своей иерихонской трубой, словно хоккеист клюшкой. Этот самый Зерикидзе с первой минуты смотрел на Лагунова со смесью изумления и восторга, будто впервые приехавший в Москву провинциал – на зеркальную иглу здания ВЦСПС. Должно быть, узнал. Сам Дмитрий ему не представлялся, однако вал газетных статей о «подвиге самого молодого полковника мирного времени» схлынул совсем недавно. Сказать по правде, на фотографиях Лагунов походил скорей не на себя, а на какого-то былинного витязя с плечами в сажень и подбородком, которым только арктические льды раскалывать, но поди ж ты – кому-то и этого мимолётного сходства было достаточно.

– Отставить панику, лейтенант. Мне в любом случае не мешает проветриться.

– Тогда хоть очки наденьте! – обреченно сказал Федин.

– Надену, – пообещал Лагунов.

Перекладины гремели под ногами, ветер хлестал по шее, толкал в спину, пытался залезть под ремень и даже в голенища сапог. Верхушка фермы приближалась куда медленнее, чем ожидал Дмитрий. Зато с каждым побежденным метром всё шире распахивался горизонт, всё чётче становились величавые контуры выросшей в семи километрах к востоку Саяно-Шушенской громадины. Её пуск был запланирован к восьмидесятилетию Сталина, но Зерикидзе, обмирая от собственной смелости, сообщил, что первую очередь пустят уже в этом году. Пожалуй, к сентябрю. «Вы же встречались с Иосифом Виссарионовичем, товарищ полковник. Как думаете, не обидится?». Пришлось заверить бригадира, что вождь не из тех, кто обижается на невыполнение плана.

Лестница закончилась решетчатой площадкой с хлипковатым на вид ограждением, сваренным из металлических полос. Когда Лагунов утвердился на площадке и помахал рукой, сигнализируя крошечным человечкам на земле, что у него всё в ажуре, снизу донесся усиленный мегафоном рев бригадира.

– Масленникова! Это к тебе пришли! Живо, живо!

Одна «нота» отделилась от остальных и заскользила в сторону Лагунова. Она двигалась по тугой жиле провода приставными шагами, но при этом стремительно и грациозно – куда там цирковым танцовщицам на канате! Дмитрий залюбовался её фантастическим бегом, а когда опомнился, Зина была уже рядом. Передвинула защитные очки на лоб, скупой улыбнулась.

– Лагунов, – констатировала она спокойно и ничуть не удивлённо. – Ты зачем здесь, Лагунов?

Он не отвечал. Смотрел на милое лицо, обветренное и загорелое, на растрескавшиеся губы, на русую прядку, выбившуюся из-под танкового шлема, подаренного когда-то Зиночке Масленниковой без памяти влюблённым лейтенантом Митей Лагуновым – смотрел, и не мог насмотреться.

– Впрочем, знаю, – сказала Зина. Она ловко шагнула на площадку, защелкнула замок страховочной цепочки на поручне, стащила перчатку, протянула узкую ладонь. Для рукопожатия. Для товарищеского рукопожатия. – Опять куда-нибудь уезжаешь. И как всегда надолго.

– Угадала. – Он осторожно взял её руку в свою.

– Это нетрудно, дорогой полковник. Можно даже не обращаться к прогнозической машине. Тем более что к здешней – ужасная очередь из влюблённых. На год, не меньше! – Зина расхохоталась. Ослепительной синевой блеснули накладки из победита-4 на резцах, клыках и премолярах: зачищать изоляцию и перекусывать нетолстые провода без инструмента. Она наконец отняла руку, запрятала выбившуюся прядь под шлем, сделалась серьёзной. – А знаешь, в этот раз не только ты уезжаешь далеко и надолго. Я тоже.

– На Ангару?

– В Египет, на Нил. Будем строить Асуанский гидроузел.

– Ух ты. Здорово, – выдавил Лагунов. – Передашь привет сфинксу?

– Замётано, полковник. Ну, что, давай прощаться. Меня ребята ждут.

Она шагнула к нему, обняла – так крепко, что Лагунов даже сквозь многие слои одежды почувствовал жар сильного, гибкого тела. Хотел найти её губы своими, но не успел. Зина отстранилась. Через секунду она уже стояла на проводе, держась вытянутыми руками за второй. Качнулась и пошла, с каждым шагом наращивая скорость.

Зина Масленникова, певучая, звонкая и высокая нота «си» не оборачиваясь, убежала от «самого молодого полковника мирного времени» к своему нотному стану. По-видимому, навсегда.

* * *

Все люки танка стояли нараспашку. Внутри на два динамика – в отсеке механика-водителя и в башне – орало радио. Впрочем, причина для столь громогласного звучания имелась, и весомая.

«Атомный ледокол «40 лет Великому Октябрю» благополучно достиг географического Северного Полюса! – жизнерадостно вещал диктор. – Состоялось торжественное водружение советского флага! На лёд сгружено около двадцати тонн оборудования для советско-американской экспедиции. К сожалению, исследователи из США, движущиеся к полюсу на новейших снегоходных тракторах от мыса Колумбия, до сих пор не подают никаких вестей. Связь с ними прервалась неделю назад и всё ещё не возобновилась. Капитан атомохода, Герой Советского Союза Андрей Геннадьевич Лазарев, принял решение продолжить движение навстречу американцам. Попавшие в беду путешественники будут спасены! Теперь к другим новостям. В небе над Сахалином вновь замечен стратосферный цеппелин «Микадо», принадлежащий вооруженным силам империалистической Японии. МИД СССР направило ноту протеста...»

Лагунов решил, что остальные новости подождут, и загрохотал по броне «башенным» ключом. Радио тотчас смолкло. Из ближнего люка высунулась лопухая голова старшины Донских – лучшего расчётчика и связиста дивизии. А может, и всех Вооруженных Сил. Веснушчатое лицо выражало нешуточную озабоченность.

– Что творят, самураи! – возмущенно проговорил старшина и отработанным движением выбрался наружу. – Летают, будто дома. Вот объясните мне, товарищ полковник, почему их до сих пор не сбили?

– Слишком высоко. У нас пока нет истребителей, способных действовать в стратосфере. Донских чертыхнулся.

– А если ракетой?

– Тоже никак. «Микадо» почти не выделяет тепла и практически не содержит металлических частей. Вдобавок покрыт радиопоглощающей плёнкой. Радары его попросту не видят. Мы о нём и узнали-то лишь после того, как астроном-любитель обнаружил тень, заслонившую участок звёздного неба. Ладно, разговоры подождут, – Лагунов резким жестом оборвал

старшину, совсем было собравшегося задать новый вопрос. Донских был способен продолжать трепотню часами. – У тебя всё готово?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.